Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта

АНДРЕЕВ Владимир Константинович, главный научный сотрудник, руководитель гражданско-правовых и корпоративных исследований Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор
Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: andlaw@mail.ru

На основе положений Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. можно утверждать, что адаптация нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом, должна строиться не за счет конструирования цифровых правоотношений, создания цифрового права как регулятивной среды наряду с правом классическим, а путем органического включения в хозяйственную жизнь технологических решений, где воля, в частности, инвестора выражается с помощью технических средств инвестиционной платформы. Предлагается усовершенствование законодательного регулирования базы данных как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности. Утилитарное цифровое право следует рассматривать как симбиоз объекта гражданского права с самим гражданским правом, существующим в инвестиционной платформе оператора. Договоры инвестирования заключаются с помощью информационных технологий и технических средств инвестиционной платформы автоматически (без участия человека) на основе информации, которую лицо, привлекающее инвестиции, и инвесторы предоставили оператору инвестиционной платформы по договорам об оказании услуг по предоставлению информации. Анализ применения информационных технологий в инвестиционной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей показывает, что традиционные элементы правового регулирования общественных отношений получают своеобразное выражение в субъективных правах обладателя, их воздействию на объект, заключении договоров инвестирования путем выражения воли инвестора с помощью технических средств инвестиционной платформы.

Ключевые слова: информация, база данных, искусственный интеллект, информационная (инвестиционная) платформа, оператор инвестиционной платформы, цифровое право, договор об оказании услуг по предоставлению информации, объект гражданских прав, субъективное гражданское право, правоотношение, обладатель цифрового права.

Для цитирования: Андреев В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 58—68. DOI: 10.12737/jrl.2020.030

Dynamics of Regulating Artificial Intelligence

V. K. ANDREEV, Russian State University of Justice, Moscow 117418, Russian Federation
E-mail: andlaw@mail.ru

The article is based on the provisions of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030. It argues that the adaptation of normative regulation regarding human interaction with artificial intelligence should not be based on the construction of digital legal relations and the creation of digital law as a regulatory environment along with the classical right. It rather should be organically incorporated as technological solutions into the economic life, where

the will, in particular, of the investor is expressed through technical facilities of innovation platforms. The Civil Code of the Russian Federation should improve the database as an independent result of intellectual activity and exclude it from the composite work. It is proposed to consider utilitarian digital law as a symbiosis of an object of civil law with civil law itself, which exists in the operator's investment platform. Investment contracts are concluded automatically by means of information technology and technical means of the investment platform (without human intervention). It is also based on the information that the person, who attracts the investment and the investor himself, provide to the operator of the investment platform under information service agreements. An analysis of the use of information technology in the investment activities of legal entities and individual entrepreneurs shows that the traditional elements of the regulation of public relations receive a kind of expression in the subjective rights of the owner, their impact on the object and the conclusion of investment agreements by expressing the will of the investor, who uses the technical means of the investment platform.

Keywords: information, artificial intelligence database, information (investment) platform, operator of the investment platform, digital law, contract for the provision of services for the provision of information, object of civil rights, subjective civil law, legal relationship, owner of the digital right.

For citation: Andreev V.K. Dynamics of Regulating Artificial Intelligence. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 3, pp. 58—68. DOI: 10.12737/jrl.2020.030 (In Russ.)

Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее — Указ № 490), которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., перед юридической наукой поставлена задача адаптации всей системы правового регулирования к изменяющимся условиям, в частности, в том, что касается взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Прежде всего необходимо определить природу этого правового акта, поскольку в документе стратегического плана содержатся основные понятия, которых нет в части четвертой ГК РФ (искусственный интеллект, набор данных, разметка данных, вычислительная система, технологическое решение и др.), а также провозглашаются основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, среди которых есть не только общие юридические принципы (защита прав и свобод человека), но и принципы политического (технологический суверенитет) и экономического характера (разумная бережливость). В Указе № 490 поставлена задача создания комплексного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и

использованием технологий искусственного интеллекта, включая разработку соответствующих этических правил взаимодействия человека с искусственным интеллектом.

В соответствии со ст. 90 Конституции России Президент РФ издает указы и распоряжения, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Исходя из содержания п. 3 ст. 3 ГК РФ, Президент РФ своими указами вправе регулировать отношения, предусмотренные п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ, если отношения, возникающие в связи с развитием и внедрением искусственного интеллекта, не урегулированы. Возникает вопрос: есть ли необходимость ряд основных понятий (набор данных, разметка данных), содержащихся в Указе № 490, включить в часть четвертую ГК РФ либо следует рассматривать их как обязательный компонент норм, регулирующих основания и порядок осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Представляется, что предпочтительнее второй вариант, поскольку основные понятия, содержащиеся в Указе № 490, как правило, не являются в чистом виде правовыми, а представляют собой сложные научно-технические понятия, которые находятся на пересечении раз-

личных сфер научного знания — естественно-научной, технической и социально-гуманитарной. Действительно, когда фундаментальные научные исследования направлены на получение принципиально новых научных результатов, в том числе на создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, например, на алгоритмическую имитацию биологических систем принятия решений, в том числе распределенных коллективных систем, таких как пчелиный рой или муравейник, писать о правовых проблемах таких поисковых исследований неуместно.

Некоторые основные понятия, содержащиеся в Указе № 490, например искусственный интеллект, вообще не поддаются целостному правовому регулированию. Как известно, исследования в области искусственного интеллекта развиваются по двум направлениям: логическому и нейрокибернетическому. Первое занимается созданием прикладного (слабого) искусственного интеллекта, решает одну или несколько задач. Второе направлено на создание универсального (сильного) интеллекта, по сути, аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи. Академик РАН И. Каляев предполагает, что компьютеры могут сравняться по производительности с человеческим мозгом при наличии суперкомпьютера производительности 10.20—10.21 флопс¹. Неслучайно в Указе № 490 предусмотрены технологические решения, способные решать только узкоспециализированные задачи (слабый искусственный интеллект), и технологические решения, при которых универсальный (сильный искусственный) интеллект способен решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям.

¹ См.: *Каляев И.* Эффект стиральной машины // *Российская газета*. 2019. 26 июня.

Право в условиях цифровизации должно выступать регулятором технологических процессов, «определять социально оправданный коридор вторжения человека в искусственный мир новых технологий»². Видимо, в недалеком будущем можно говорить об интеллектуальном устройстве как об охраняемом самостоятельном результате интеллектуальной деятельности, который пополнит их перечень, перечисленный в ст. 1225 ГК РФ. Интеллектуальные устройства, в которых используются микропроцессоры с комплектом соответствующего программного обучения, будут представлять новые типы архитектур вычислительных систем и на них будут зарегистрированы интеллектуальные права. Поскольку в развитии искусственного интеллекта приоритетное значение приобретает конвергентное знание, обеспечиваемое в том числе за счет интеграции математического, естественно-научного и социально-гуманитарного образования, поскольку появляются конвергентные понятия (искусственный интеллект, технологическое решение, набор данных и т. п.), перед учеными-юристами стоит задача выявить в них правовую составляющую.

Следует согласиться с В. Н. Синюковым в том, что «в цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности). В этом смысле цифровое право — это соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество»³. А. В. Минбалева цифровые правоотношения рассматривает

² *Бондарь Н. С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 28.

³ *Синюков В. Н.* Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // *Цифровое право: учебник* / под

как урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий⁴. Другими словами, здесь цифровое право не рассматривается как имеющее иную юридическую природу, порядково-большой объем и пространство правовой нормативности в единицу, как пишет В. Н. Синюков. Структура цифровых правоотношений обусловлена совокупностью цифровых отношений, субъектов цифровых отношений, а их содержание — совокупностью прав и обязанностей субъектов цифровых отношений. Поскольку А. В. Минбалева субъектами цифровых отношений называет роботов, цифровых личностей, операторов больших данных и т. п., спрашивается: разве можно регулировать общественные отношения неодушевленными предметами? Нет специфики в объектах цифровых правоотношений, а суждение, что «информация в системе объектов правоотношений не может быть отнесена ни к материальным благам, ни к нематериальным личным благам, ни к действиям»⁵ не обосновано.

Представляется, что теоретические суждения в той или иной степени должны опираться на законодательные положения. В статье 128 ГК РФ в качестве разновидности объекта имущественного права называется цифровое право, операции с которым осуществляются в информационной системе, информация в качестве объекта гражданских, налоговых и других правоот-

ношений рассматривается в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

В литературе изучается проблема сетевых предприятий. В их производственном капитале появляются нематериальные средства производства (информационно-коммуникационные технологии и т. п.), для которых характерна физическая неизнашиваемость, неограниченная тиражируемость, неисчерпаемость, невозможность физического владения. Выделяются две основные организационные формы виртуальных предприятий: виртуальные корпорации и виртуальные товарищества (партнерства)⁶.

В Принципах корпоративного управления ОЭСР 2016 г. отмечается, что международное сотрудничество играет все более важную роль для корпоративного управления, особенно для компаний, которые осуществляют деятельность в разных странах через публичные и непубличные компании и желают получить листинг на разных фондовых рынках через биржи разных стран. «В этом контексте многие европейские предприятия применяют в своей деятельности новые цифровые технологии, такие как электронное проведение общих собраний, электронное голосование, создание виртуальных (цифровых) корпораций, чтобы продемонстрировать, каким образом технические средства способствуют упрощению и большей гибкости ведения бизнеса»⁷.

Образно сравнивая с галактикой все сведения о субъектах предпринимательства и их деятельности, аккумулируемые государством

общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 19.

⁴ См.: Минбалева А. В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020. С. 67.

⁵ См.: Минбалева А. В. Указ. соч. С. 69.

⁶ Подробнее см.: Дятков С. А., Марьяненко В. П., Салищева Т. А. Информационно-сетевая экономика, структура, динамика, регулирование. М., 2019. С. 118—121.

⁷ Терновая О. А. Основные тенденции развития зарубежного законодательства. М., 2019. С. 96.

(включая значительный объем данных, представляемых в составе бухгалтерской, налоговой и статистической отчетности), сведения из единого государственного реестра юридических лиц и других государственных реестров, осуществляемой Федеральной налоговой службой России, Е. В. Трофимова утверждает, что сведения из этих реестров «окажутся в самом ее центре и будут, таким образом, обеспечивать использование больших данных, поступающих от субъектов предпринимательства, даже не являясь таковыми. Если продолжить космологические сравнения, то сведения о субъектах предпринимательства, содержащихся в единых государственных реестрах, могут быть представлены в виде сверхмассивной черной дыры, выступающей в качестве ядра галактики, состоящей из больших данных, генерируемых предпринимателями»⁸.

На данном этапе правового регулирования применения цифровых технологий в экономике следует согласиться с мнением О. А. Городова о том, что «большие данные в целом в отличие от отдельных образующих их элементов не могут быть отнесены ни к объектам гражданских прав, ни к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, и в этой связи не нуждаются в специальной правовой охране»⁹.

При таком регулировании базы данных интеллектуальные права на их содержание в части их охраны от несанкционированного извлечения

и повторного использования составляющих их содержание материалов могут получать действительную правовую ценность в условиях цифровизации.

На наш взгляд, категоричен вывод О. А. Городова о том, что «правовой охране подлежат не сами данные, а форма их систематизации, именуемой базой»¹⁰. Возможно, это замечание верно для отграничения базы данных от неохраняемых информационных массивов, больших данных. Для базы данных характерны не просто их систематизация, а возможность их обнаружения и обработки с помощью вычислительных систем (понятие, введенное Указом № 490). Более того, база данных создается по этапам обработки структурированных и неструктурированных данных, разметкам данных на основе общедоступной платформы, т. е. база данных создается с использованием программы ЭВМ. Формирование базы данных с помощью программно-аппаратного комплекса вычислительной системы предполагает и набор данных, и их разметку, т. е. определенную совокупность материалов, а не только форму их систематизации в виде этапов обработки структурированных и неструктурированных данных.

Положения п. 8 и 9 Указа № 490 о технологических решениях, разработанных с использованием методов машинного обучения, которые являются примером искусственного интеллекта, способны решать только узкоспециализированные задачи и дают правовое основание разрешить сомнение О. А. Городова и утверждать, что подбор и расположение данных считается актом творчества¹¹. Норма п. 1 ст. 1228 ГК РФ о том, что «автором результата интеллектуальной деятельности (программы данных, а не части произведения. — В. А.) признается гражданин, творческим трудом которого

⁸ Трофимова Е. В. Информация о субъектах предпринимательства в единых государственных реестрах — черная дыра в галактике больших данных // Предпринимательское право. 2019. № 3. С. 46.

⁹ Городов О. А. О правовой охране больших данных // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М., 2019. С. 76.

¹⁰ Городов О. А. Указ. соч. С. 71.

¹¹ Там же. С. 73.

создан такой результат», позволяет включать в творческий труд гражданина и использование информационной системы для сбора, обработки, хранения и опубликования наборов данных, доступной в сети Интернет.

Интеллектуальные права, прежде всего исключительное право на содержание базы данных, являются смежными правами. О. А. Городовым высказано мнение, что база данных, созданная в результате организационных усилий изготовителя является объектом смежных прав, не может рассматриваться как объект творческого труда. Она представляет результат расположения больших данных, полученных с помощью программы для ЭВМ без прямого участия человека¹². Предложение ученого ведет к изъятию параграфа 5 гл. 71 ГК РФ, что означает исключение изготовителя базы данных из оборота этих услуг на товарном рынке. Другое дело, что базу данных как смежное право необходимо включить в общую сеть, когда база данных одного изготовителя становится частью базы данных другого и т. д., т. е. она выступает как набор данных (п. 5 ст. 5 Указа № 490). При этом переток данных из одной базы в другую происходит при помощи слабого искусственного интеллекта.

Гражданские права гражданина и юридического лица, которые приобретаются и осуществляются ими своей волей и в своем интересе, являются одним из основных начал гражданского законодательства (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Возникновению гражданских прав и обязанностей, осуществлению и их защите посвящена гл. 2 ГК РФ. Объединение оснований возникновения гражданских прав и обязанностей в названии ст. 8 вовсе не означает, что у того же самого гражданина или юридического лица одновременно возникает гражданское право и соответствующая

обязанность, даже в договоре, что является правоотношением, происходит разграничение прав и обязанностей относительно кредитора и должника.

Ранее нами было показано, что рассмотрение субъективных прав и обязанностей гражданина как элементов правоотношений, выставление их как первичного начала исследований не учитывают действительную роль гражданского права гражданина или юридического лица, поскольку именно они являются регуляторами общественных отношений, определяя действия физического или юридического лица в рамках свободы поведения, определенной законом¹³.

Субъективное право — это не мера возможного поведения управомоченного лица в гражданском правоотношении¹⁴. Представляется, что «субъективное право гражданина или юридического лица — это мера и вид определенного поведения управомоченного лица в отношении того или иного объекта, закрепленного ст. 128 ГК РФ, кроме нематериальных благ»¹⁵. Данное определение представляет возможную модель поведения физического или юридического лица, которая может быть реализована его волевыми действиями в своем интересе, не создавая обязательно правоотношения, правовая ситуация может ограничиться выражением воли одной стороны (односторонняя сделка), либо сторона, другое лицо совершит отдельные действия, направленные на заключение договора (оферта, согла-

¹³ См.: Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 61—63.

¹⁴ См.: Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. М., 2013. С. 97 (автор — Н. Д. Егоров).

¹⁵ Андреев В. К. Вещь как объект гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 1. С. 27.

¹² См.: Городов О. А. Указ. соч. С. 74.

сие на заключение договора, выражение воли с помощью электронных либо иных технических средств).

Представляется, что формирование гражданского оборота на основе цифровых технологий предполагает отказ от традиционного понимания гражданского правоотношения, поскольку его элементы — субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников получают специфическое закрепление в информационной системе. Между названными элементами правоотношения стираются грани, отражающие их суть, появляется оператор информационной системы (инвестиционной платформы), действующий на основании заключенных договоров об оказании услуг по предоставлению информации с участниками информационной системы и «совершающий» договоры инвестирования между лицом, привлекающим инвестиции, и инвесторами с помощью технических средств инвестиционной платформы.

В ГК РФ на уровне общих начал, точнее, принципов гражданского законодательства, прослеживается взаимосвязь гражданских прав граждан и юридических лиц с объектами, в которых они заинтересованы. В частности, гражданские права могут быть ограничены, если их объекты несовместимы с целостностью прав и законных интересов других лиц либо приобретение гражданских прав может угрожать основам конституционного строя, нравственности, обеспечению обороны страны и безопасности государства. Не могут возникать гражданские права также на товары и услуги, на которые федеральными законами введены ограничения их перемещения для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (п. 2 и 5 ст. 1 ГК РФ). Ограничение оборотоспособности отдельных объектов гражданских прав означает, что они не могут принадлежать лишь опреде-

ленным участникам оборота либо совершение сделок с ними допускается по специальному разрешению (п. 2 ст. 129 ГК РФ), т. е. на некоторые объекты гражданские права не могут возникнуть. Появление таких объектов гражданских прав, как цифровые права, влечет уточнение положений об их оборотоспособности, поскольку оборот цифровых прав в информационных системах не охватывается п. 4 ст. 129 ГК РФ. В ней имеется в виду лишь оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые имеют информационную природу. Цифровыми правами признаются и названные в таком качестве в законе обязательственные права. Такие имущественные права, как безналичные денежные права, бездокументарные ценные бумаги, а с 1 октября 2019 г. и цифровые права, которые входят в такой вид объектов гражданских прав, как иное имущество, в литературе нередко называют правами на право. Еще в 1991 г. Ю. С. Гамбаров писал, что называют «правом на право»: есть всегда право на объект, который или передается целиком от одного субъекта другому либо в котором устанавливается рядом с пользованием одного и пользование или соучастие другого субъекта»¹⁶.

Внедрение цифровых технологий привело к обогащению содержания традиционных гражданско-правовых институтов, к появлению новых объектов гражданских прав и способов легитимации их обладателей. Так, наряду с документарными ценными бумагами появились бездокументарные ценные бумаги, наиболее распространенными среди них являются эмиссионные ценные бумаги (акция, облигация, опцион эмитента и российская депозитарная расписка). В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 514-ФЗ «О внесении

¹⁶ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 462.

изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг с 1 января 2020 г. отменено деление эмиссионных ценных бумаг в зависимости от их формы — документарной, на основании сертификата, и бездокументарной, когда владелец устанавливается на основании записи, в реестре владельцев или на основании записи по счету депо.

В решении эмитента, например акционерного общества о выпуске эмиссионных ценных бумаг, определяется категория (тип), номинальная стоимость каждой эмиссионной бумаги, права их владельцев, лиц, указанных в учетных записях (записях по лицевому счету или счету депо), в качестве правообладателя бездокументарных ценных бумаг либо лицо, которому они принадлежат на праве собственности или ином вещном праве. Акционерное общество как эмитент выпускает акции, которые закрепляют права их владельцев (акционеров) на получение прибыли в виде дивидендов, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации.

Бездокументарными ценными бумагами фиксируются обязательственные и иные права, осуществление и передача которых возможны с соблюдением правил учета этих прав путем внесения записей по счетам лицом, имеющим по закону лицензию, по договору с правообладателем или иным лицом. Распоряжение, т. е. передача, залог, обременение другим способом бездокументарных ценных бумаг может осуществляться только посредством обращения к лицу, осуществляющему учет прав на бездокументарные ценные бумаги, для внесения соответствующих записей (п. 3 ст. 149 ГК РФ).

В Федеральном законе от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении измене-

ний в части первую, вторую и в статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

В качестве цифрового права в Федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» названы утилитарные цифровые права, которые могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться в инвестиционной платформе. Утилитарное цифровое право, равно как любое цифровое право, указанное в качестве такового в законе, не может возникнуть непосредственно из договора, заключаемого сторонами. Поскольку цифровое право — объект гражданских прав, к нему не могут быть применимы правила об осуществлении цифровых прав по своему усмотрению, так как воля инвестора о принятии инвестиционного предложения осуществляется с помощью технических средств информационной системы (инвестиционной платформы). Обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами инвестиционной платформы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141¹ ГК РФ).

Цифровые права — не цифровые эквиваленты материальных и нематериальных активов, как утверждает О. А. Городов¹⁷, а имущественные права их обладателя, который может распоряжаться ими без

¹⁷ См.: Городов О. А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3 (05). С. 8.

обращения к третьему лицу. Поскольку цифровые права в силу ст. 128 ГК РФ — объекты гражданских прав, их нельзя рассматривать как право на право. В то же время с утилитарными цифровыми правами в инвестиционной платформе оператор инвестиционной платформы с помощью информационных технологий и технических средств проводятся те же действия, которые характерны для субъективных гражданских прав гражданина или юридического лица. Согласимся с Н. А. Козыревым в том, что прилагательное «цифровая» изначально относится к форме (или формату) предоставления информации. Эта форма не связана прямо с материальным носителем информации, а прилагательное «электронная» относится к материальной форме сигнала, т. е. к материальному понятию информации. Иначе говоря, тут нет совпадения ни на философском уровне, ни на практическом¹⁸. Утилитарное цифровое право в рамках инвестиционной платформы является действительно имущественным правом, выражающим в цифровом формате право требования к инвестору лицом, привлекающим инвестиции, передачи вещи, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или прав на их использование, выполнение работ или оказание услуг. Наличие утилитарных цифровых прав в инвестиционной платформе подтверждается выпиской из реестра договоров, выдаваемой оператором инвестиционной платформы. Действия оператора инвестиционной платформы представляют собой передачу сведений о возникновении, переходе и прекращении утилитарных цифровых прав, и они осуществляются в автоматическом режиме, без участия человека. В этих условиях

вряд ли можно говорить о принадлежности утилитарного цифрового права гражданину или юридическому лицу и его осуществлении по своему усмотрению в рамках ГК РФ. В то же время нет необходимости в разграничении утилитарного цифрового права как объекта, так и меры определенного поведения с ним. Замена физического контакта человека по совершению сделок на когнитивные способности технических средств с использованием цифровых технологий позволяет прийти к выводу, что в этих условиях происходит совпадение субъективного гражданского права и его объекта, по крайней мере оператор инвестиционной платформы обеспечит всем участникам инвестиционной платформы техническую возможность приобретать утилитарные цифровые права, знакомиться с их содержанием, осуществлять и распоряжаться ими.

Несмотря на то что утилитарное цифровое право как объект практически сливается с гражданским правом, последнее нельзя рассматривать как абсолютное право. С. А. Сеницын отмечает, что «абсолютные права возможно определить непосредственно правовой связью субъекта с объектом права»¹⁹. В рассматриваемом случае связь между утилитарным цифровым правом и его обладателем не правовая, а технологическая в рамках соответствующей информационной системы (инвестиционной платформы). Технологическое решение устраняет правовое различие между субъективным гражданским правом и его объектом, утилитарное цифровое право содержит признаки того и другого.

Таким образом, утилитарное цифровое право как имущественное право, сочетающее черты субъективного гражданского права и объ-

¹⁸ См.: Козырев Н. А. Цифровая экономика и цифровизация в исторической перспективе // Цифровая экономика и право. 2018. № 3 (1). С. 14.

¹⁹ Сеницын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: вопросы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 59.

екта, требует дальнейшего исследования, равно как и правового различения цифровых технологий, цифровых операций и простой фик-

сации в государственном реестре, а также разработки интеллектуального устройства, сильного искусственного интеллекта (робота).

Библиографический список

- Андреев В. К. Вещь как объект гражданских прав // Гражданское право. 2014. № 1.
- Андреев В. К. Субъективное гражданское право и иные проявления воли и интереса в деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2018. № 8.
- Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.
- Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003.
- Городов О. А. О правовой охране больших данных // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М., 2019.
- Городов О. А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3 (05).
- Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Ю. К. Толстого. М., 2013.
- Дятков С. А., Марьяненко В. П., Салищева Т. А. Информационно-сетевая экономика, структура, динамика, регулирование. М., 2019.
- Каляев И. Эффект стиральной машины // Российская газета. 2019. 26 июня.
- Козырев Н. А. Цифровая экономика и цифровизация в исторической перспективе // Цифровая экономика и право. 2018. № 3 (1).
- Минбалева А. В. Цифровые правоотношения: понятие, виды, структура, объекты // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020.
- Синицын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: вопросы теории // Журнал российского права. 2016. № 2.
- Синюков В. Н. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2020.
- Терновая О. А. Основные тенденции развития зарубежного законодательства. М., 2019.
- Трофимова Е. В. Информация о субъектах предпринимательства в единых государственных реестрах — черная дыра в галактике больших данных // Предпринимательское право. 2019. № 3.

References

- Andreev V. K. Subjective Civil Law and other Manifestations of Will and Interest in the Activities of Legal Entities. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 8, pp. 58—68. DOI: 10.12737/art_2018_8_6 (In Russ.)
- Andreev V. K. Thing as an object of civil rights. *Grazhdanskoe pravo*, 2014, no. 1. (In Russ.)
- Bondar N. S. Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 25—42. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.2 (In Russ.)
- Civil Law. Vol. 1. Ed. by Yu. K. Tolstoy. Moscow, 2013. (In Russ.)
- Dyatkov S. A., Mar'yanenko V. P., Salishcheva T. A. Information and network economy, Structure, dynamics, regulation. Moscow, 2019. (In Russ.)
- Gambarov Yu. S. The Civil law. Common part. Moscow, 2003. (In Russ.)
- Gorodov O. A. Digital relationship: the species and the contents. *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, 2019, no. 3 (05). (In Russ.)
- Gorodov O. A. On the legal protection of big data. Legal regulation of digital economy in modern conditions of high-tech business development in national and global context. Ed. by V. N. Sinyukov, M. A. Egorova. Moscow, 2019. (In Russ.)

- Kalyaev I. The Effect of the washing machine. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, June 26 (In Russ.)
- Kozyrev N. A. The digital economy and the digitization in historical perspective. *Tsifrovaya ekonomika i pravo*, 2018, no. 3 (1). (In Russ.)
- Minbaleev A. V. Digital relationship: concept, types of structure objects. *Digital Law*. Ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow, 2020. (In Russ.)
- Sinityn S. A. Absolute and Relative Subjective Civil Rights: Theoretical Issues. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 2, pp. 55—62. DOI: 10.12737/17644 (In Russ.)
- Sinyukov V. N. The Concept and significance of digital law in the modern legal system. *Digital Law*. Ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow, 2020. (In Russ.)
- Ternovaya O. A. The Main trends in the development of foreign legislation. Moscow, 2019. (In Russ.)
- Trofimova E. V. Information about business entities in unified state registers — a black hole in the galaxy of big data. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2019, no. 3. (In Russ.)
-
-